

наединѣ съ мужчиной; но тутъ же мнѣ пришла въ голову мысль показать ему мою самостоятельность, и я попросила его самымъ непринужденнымъ образомъ остаться. Пока онъ бралъ себѣ стулъ и усаживался, я продолжала вязать; но вдругъ я почувствовала, что онъ вытаскиваетъ у меня изъ рукъ работу, и услышала его голосъ. «Руки, которыя такъ прекрасно играютъ, не должны заниматься столь прозаической работой; онѣ должны отдыхать въ полной нѣгѣ, пока опять не возьмутся за исполненіе великихъ художниковъ.»

Я охотно исполнила его просьбу, оставила работать, и мы завязали очень интересный разговоръ; по крайней мѣрѣ, я находила, что я не сказала ничего такого, что могло бы выставить меня съ невыгодной стороны, и была очень довольна этимъ обстоятельствомъ. Можетъ быть, это происходило оттого, что мой собесѣдникъ подхватывалъ на лету всякую мою фразу и умѣло придавалъ ей тотъ или другой смыслъ. Мы много говорили о французской литературѣ; я выразила мнѣніе, что французскіе авторы въ формѣ романовъ знакомятъ насъ, молодыхъ дѣвушекъ, незнакомыхъ съ жизнью, съ дѣйствительностью. Онъ же находилъ, что подобное чтеніе не совсѣмъ удобно для молодыхъ дѣвушекъ, такъ какъ оно, знакомя ихъ со всѣмъ дурнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ развращаетъ ихъ невинныя души. Я старалась доказать ему, что и безъ того каждая изъ насъ знаетъ много такого, что знакомо вся-